

К 15 Р О К О Д И Л

Цена 40 коп.

№ 4 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
ФЕВРАЛЬ

ГОД ИЗДАНИЯ XV
МОСКВА 1936

К. Р. 36

Рис. Н. Ротова.

ЗАБОТА О СЫНЕ

— Удивительно! Сын у меня такой способный мальчишка, а уроки готовит почему-то плохо...

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ ПО

Всячески приветствуя образование Комитета по делам искусств, Крокодил в порядке товарищеской помощи вносит ряд срочных предложений этой новой организации.

I. О САМОМ КОМИТЕТЕ

1. Как сейчас, так и в дальнейшем Комитет именуется своим полным названием, без всяких сокращений вроде «Коподелис», «Комиподис», «Кмпдску» или других вредных слов, напоминающих мидийско-ассирийское обозначение домашней утвари и полевых сорняков.

2. В самом Комитете организуется Департамент (на правах отдела) Скучного Искусства, каковое регистрируется как в центре, так и на периферии и планомерно уничтожается совместными усилиями Комитета, общественности и печати. После полного уничтожения этого вида искусств Департамент закрывается и все дела его передаются органам собеса и исправительно-трудовых колоний на предмет обеспечения и перевоспитания бывших мастеров скучного искусства.

3. Прием посетителей по делам о личных обидах откладывается до 1938 года. Дела о плагиатах и халтуре передаются в ближайший нарсуд через постового милиционера.

4. Не предрешая, на какой именно улице или площади будет построен возможный Пантеон Советского Искусства, Комитет заранее одобряет надпись золотыми буквами на фронтоне Пантеона: «Вход в бессмертные и гении по контрамаркам воспрещается».

5. В помещении Комитета, внизу под лестницей, как войдешь, направо, вывешивается особая Доска Непочтения, на которой высекаются названия организаций, бесславно погибших в неравной борьбе администрирования с искусством.

II. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

1. Мастера кисти, размешивающие таковой фотопроявитель и закрепитель при создании портретов, как индивидуальных, так и групповых, получают патент от фининспектора на тех же правах, как продавцы гуталина, парикмахеры без наемного труда и извозчики-одиночки.

2. Из наименее пугающих взрослое население картин организуются выставки.

3. Выставки сопровождаются печатными оценками под которыми отнюдь не следует понимать выявление рецензентом дефектов его гимназического образования и подробного перечисления старых каталогов прежних выставок.

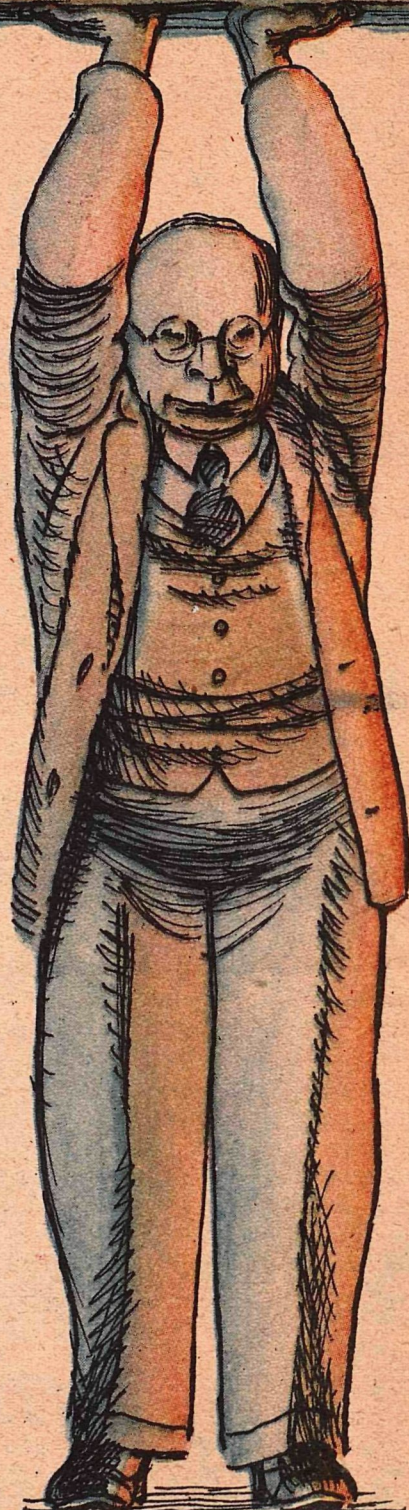
4. Оформление магазинов, ведущее к усушке и утруске нервных покупателей, объявляется бесчинством в публичном месте и изымается из рук соответствующих учреждений для посылного исправления.

III. КИНО

1. Несмотря на наличие директоров кинофабрик, режиссеров, консультантов и других штатных единиц

БОЯРСКИЙ

КЕРЖЕНЦЕВ

ДЕЛАМ ИСКУССТВ

ино объявляется свободным для входа в него писателей.

2. Насильственное соавторство режиссера, оператора его, жены его, вола его, осла его и других спутников творчества объявляется необязательным. Лучше даже — подлежащим физическому уничтожению.

3. При организации советского Холливуда окончательно прекратить экспедиции в Крым, на Эльбрус, в Вогезы, Кордильеры и пустыню Сахару для снятия московских улич Плушихи и Божедомки.

4. Упразднить клетчатые штаны для молодых кинокадров как обязательную униформу, заменяющую культурный цеховой рост.

IV. ТЕАТР

1. Театр объявляется местом для постановки также и новых пьес. Это необходимое постановление доводится до сведения дирекций и режиссеров как в устной, так и письменной форме.

2. Категорически запрещается пятиминутная перековка на сцене отрицательных персонажей. Лица, замеченные в столь внезапной перековке, немедленно переправляются в ближайший район милиции совместно с режиссером и автором для составления протокола.

3. Категорически запрещаются авторские ремарки в пьесах: «Иван Седых слушает канарейку, поет вальс и, выйдя через правую дверь, делается новым человеком», а также наименование студий именами помощников режиссеров и их ближайших родственников. Например: «Студия имени Варвары Филипповны, тетки тов. Мизераблева, проживающей в Пензе».

4. Каждый театр обязан иметь вращающуюся сцену, из чего, однако, не следует, что репертуар тоже только вертится, но остается на одном и том же месте.

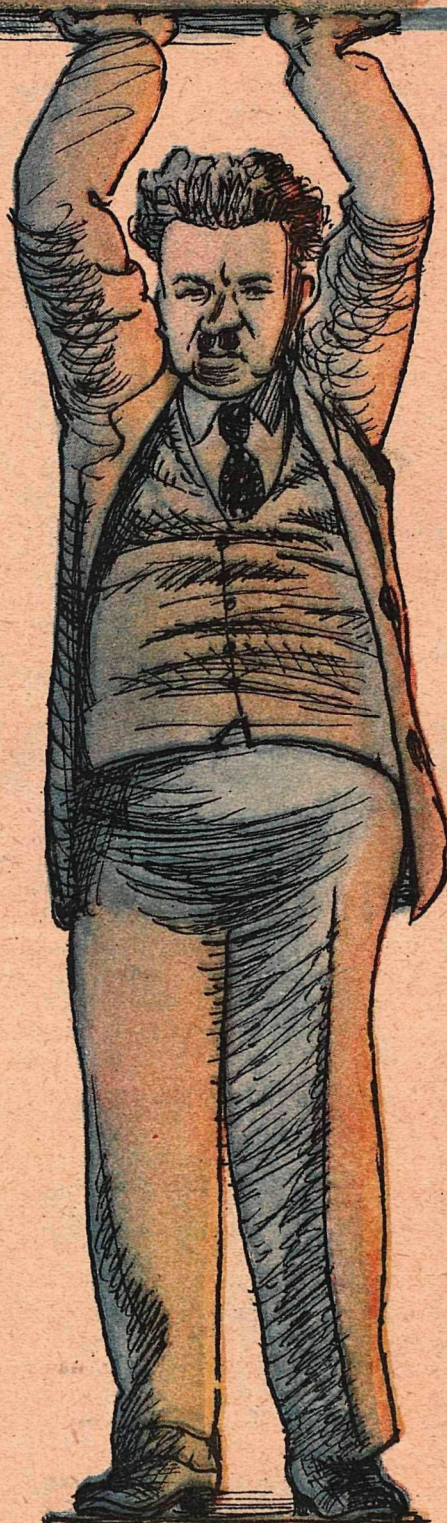
5. Введение музыки в пьесу в некоторых случаях должно быть обусловлено необходимостью задержать зрителей до конца трамвайного движения. Питье чая на сцене под скрипку или рассказ об оборванной в автобусе пуговице под аккомпанемент щипковых инструментов не обязательны.

6. Введение в спектакль кошек, собак, коров и других домашних животных для поднятия авторского текста до литературного уровня не поощряется. Равно как и замена одного плохого спектакля другим, еще худшим.

7. В пьесах из гражданской войны не обязательно только стрельба из минометов и гаубиц. Допускаются также игра актеров и авторский текст.

8. При приеме пьесы театром администрация обязана требовать сюжета. При отсутствии такового автор представляет или записку от родителей или от соответствующей литературной организации с указанием уважительных причин.

9. В театрах оперетты, продвигающих искусство легкого жанра в массы, не обязательно произнесение вслух, хотя бы и под украденную музыку, острот из «Будильника» за 1899 год, а также из сборника

ШУМЯЦКИЙ

1887 года, изданного под названием «Пупочки и теши».

10. Постановки в мюзик-холлах произведений В. Шекспира с введением в них партерных акробатов, дрессированных гепардов и частушечников не рекомендуются. Танцы 30 герлс с черепом бедного Иорика в «Гамлете», воздушный акт Дездемоны в «Отелло» и глотание горячей пакли воинами в «Юлии Цезаре» Комитетом искусств не поощряется.

V. АРХИТЕКТУРА

1. Архитектурой объявить искусство оформления, а не опошления зданий. Попытки снабдить здания наркоматов амурами, а квасные киоски колоннами приравниваются к появлению на улице в нетрезвом состоянии.

2. При оформлении соседствующих жилых зданий в виде перевернутых коробок из-под дегтярного мыла надлежит над каждым домом ставить опознавательный знак, дабы население домов не путало их.

3. никоим образом не допускать оформления зданий зрелищных и других предприятий в виде боярских теремов, римских бань или городских купален конца XVII века.

VI. ОПЕРА И БАЛЕТ

1. Для лиц, не умеющих считать более четырех, составить подробный список всех семи опер, идущих в течение восемнадцати лет.

2. Предложить авторам новых балетных либретто не перелагать непосредственно на музыку учебники политграммоты, заменив их по мере возможности собственными творческими сюжетами. Геометрическое разделение сцены для танцев бедняков, середняков и кулаков не рекомендуется.

VII. ЭСТРАДА

1. Всемерно поощрить на эстраде чтение, пение и танцы. Остальные виды эстрадного искусства, а именно: инсценировка передовиц из стенгазет низовой кооперации за 1926 год, перечисление скороговоркой недостатков в обслуживании широкого населения примусами в реконструктивный период, частушки об отрицательных сторонах частной жизни бывших священнослужителей, а также запоздалые раешники о незаконном доставании копченой колбасы — категорически отменяются, без скидок на стаж исполнителя и отсутствие репертуара.

2. Работники реперткомов на местах в срочном порядке знакомятся с нашими победами и достижениями, дабы появление веселого репертуара на эстраде не рассматривалось ими как незаконное протаскивание смеха.

3. Писание репертуара для эстрады объявляется допустимым. Авторы, ныне нередко исполняемые на советской эстраде, как-то: Максим Горький, Лев Толстой, А. П. Чехов, Гюи де Мопассан, В. Гюго и др. — исключению из Союза писателей ввиду их исполнения на эстраде не подлежат.

VIII. ЦИРК

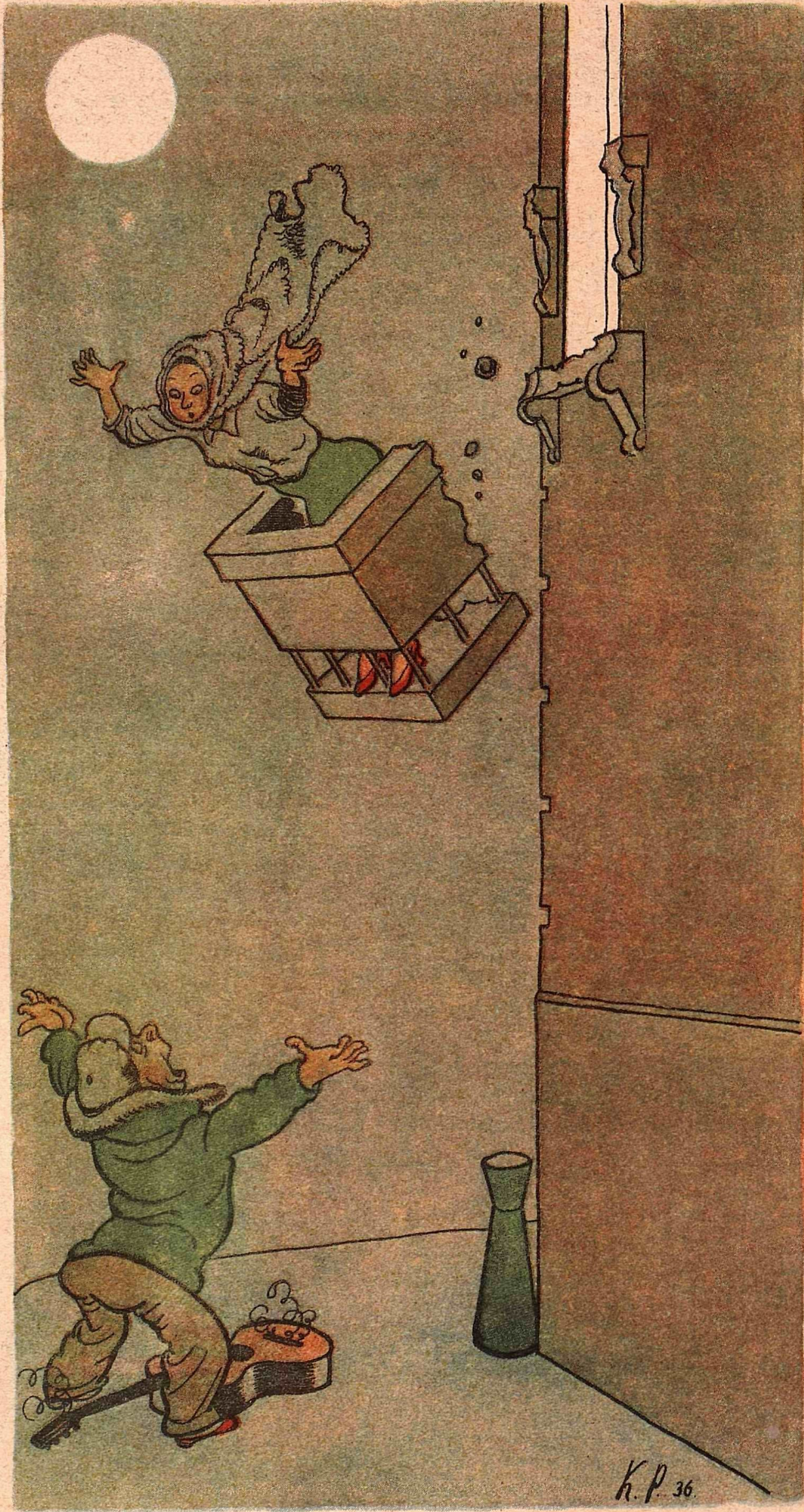
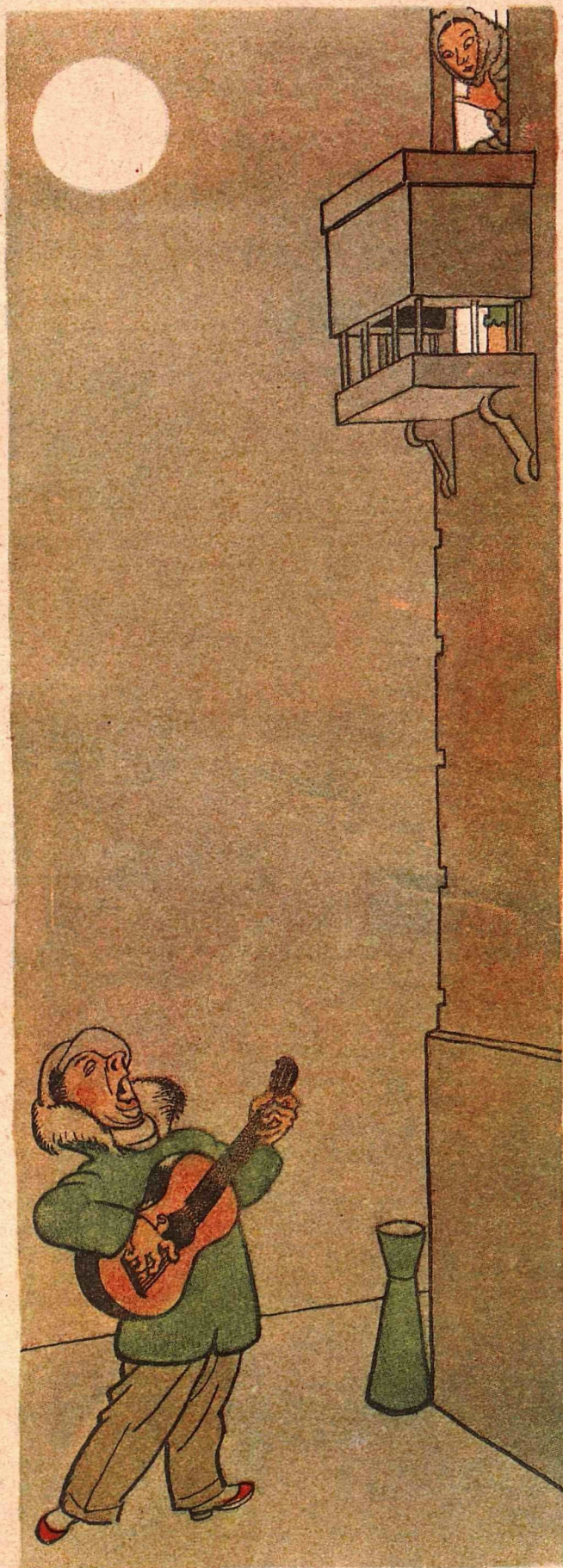
1. Цирк является местом отдыха и развлечения для всех трудящихся, кроме самого директора цирка, который должен не отдыхать, а заботиться о хорошей программе. В случае болезни актера или лошади — как это до сих пишется в цирковых программах — они могут быть заменены другим номером. В случае даже полного здоровья директора цирка, но плохой его работы, он может быть и должен быть заменен другим.

2. Окончательно прекратить дискуссии на темы «Нужен ли словесный репертуар для дрессированных тигров?» или «Как должна отражать эпоху женщина-змея?»

Упомянутые советы продуманы, выстраданы и даны в Москве в 1936 году, в месяц работы Комитета по делам искусств — первый.

СЕРЕНАДА СТРОИТЕЛЯ

Рис. К. Ротова

Строитель, не пой своей Кате:
„Лети же ко мне в объятия!“
Ты видишь, как высоко;
Слететь к тебе не легко.

„Домишко — моей конструкции!
Я знаю свою продукцию.
Позор малoverным и стыд,—
Прошу убедиться — летит!“

К. Р. 36

Рис. Л. Генча

—Трудно жить у нас в Америке, когда имеешь много детей! Прямо не хватает средств.
—И не говорите! Не успеешь выкупить у бандитов младшего, как украдут старшего...

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ЭКЗАМЕН

В редакцию часто приходили с предложением стихов:

— Могу переводить с узбекского, с украинского, с таджикского, с русского... То есть не с русского, конечно... Я хотел сказать — с белорусского...

Секретарь вздыхал. Он не знал ни украинского, ни таджикского, ни узбекского, ни белорусского. Он вынимал из стола узенькие полоски и говорил:

— Переведите, пожалуйста, что здесь напечатано...

Поэт обижался:

— Что это, экзамен?.. Наконец, позвольте... Это надо посидеть, подумать. Со словарем... Иначе халтура будет. А я не привык халтурить... Позвольте, вот это запятая...

Секретарь вздыхал еще глубже и доставал из кошелька толстую хрустящую бумажку:

— Может, это переведете?..

— Позвольте... Это что, санскритский?

— Нет. Белорусский... До свидания...

Когда поэт-полиглот закрывал дверь, секретарь прятал полоски и говорил:

— Это я из «Известий» вырезал. Сверху — «Пролетарии всех стран, соединитесь!» А это...

Он разглаживал толстую бумажку.

— Три червонца... Надо бы разменять, да храню: сразу человека на чистую воду выведат... От многих неприятностей уберегли. Ценная бумажка!..

СИЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

— Мой репертуар — героический пафос! — с пафосом заявил актер Борис Глебов. — Мне хоть сейчас дивизию давай, я смогу быть в ней комиссаром. Сколько раз я их переиграл, вжил-ся уж...

Одернув кожаную куртку, похлопывал по деревянной кобуре кольца.

— Я, брат, сильный характер. Я могу накал в две отелловых силы взять, да ролей таких нет. Хлюпки еще наши драмоделы. Чеховщина заедает.

Борис Глебов затыкивался самокруткой, пускал дым в потолок и продолжал:

— Шалапин, говорят, так пел, что стекла дрожали. Подумаешь! Я так играю, что у меня

люди дрожат. В Липецке так сыграл Отелло, что Дездемона враз созналась. «Не могу, — говорит, — у тебя в глазах искры...» А вот сейчас послушай, как я корабли за собой поведу.

Из-за кулис вынырнул небритый, в кепке и бросился к Глебову.

— Боря!.. Наконец-то я тебя схлопотал.

— Ну, чего еще? — недовольно сказал Глебов.

— А то, — небритый держал за кобурку Глебова. — Хочешь, не хочешь, а давай заметку в стенгазету.

— Уволь ты меня, пожалуйста. Какие там заметки! Только отношения с людьми портить. Да и писать не о чем. Нет, нет...

— Как не о чем?.. Ну напиши, что вот урна для окурков не в порядке. А ведь мы здесь курум, пожар может быть.

— Ты с ума сошел? Об урне? Тут и Яков Федотыч на тебя обидится, пожарный тоже кланяться не будет. Только нервы себе испоганишь... Ты знаешь: это не мой репертуар... Вот ты послушай, как я сейчас корабли поведу!

И, выхватив из кобуры кольцо, побежал на сцену.

В. ТОБОЛЯКОВ

КОСТЮМ ОБЯЗЫВАЕТ

Рис. Ю. Ганфа

—А почему Иван Петрович не попал на маскарад?
—Сам виноват. Срочной телеграммой вырядился. Ну и придет на пятый день.

ТРАГИКИ ЗА ДВЕРЬЮ

Известный заслуженный артист республики Додонов, приехав на гастроли в город Н., по обыкновению остановился в отеле «Централь». Обслуживающий персонал отлично помнил популярного артиста, и, еще подъезжая к «Централю», Додонов улыбался приятным мыслям. Вот сейчас портье вспорхнет со своего высокого табурета и радостно воскликнет:

— Валентин Аркадьевич! На гастроли? Сорок восьмой. Пожалуйста.

Додонов всегда жил в сорок восьмом номере. Дежурная немедленно зашумит в ванной и, выйдя с засученными рукавами, обязательно скажет:

— Самая горячая. Мы помним, Валентин Аркадьевич, вы всегда любили что нинаест самую горячую.

Додонов терпеть не мог горячей ванны, но ему была приятна эта милая услужливость номерной дежурной, которая неизвестно почему решила его гостеприимно сварить в кипятке.

После купанья явится официант. С восторженным изумлением он щелкнет каблуками и спрячет под мышку преискурант.

— Знаем, знаем. Помним ваш вкус.

И официант через десять минут принесет кровавый бифштекс и черное пиво. Конечно, Додонов не переносил кровавого мяса и тем более черного пива, но артист не мог не оценить столь искренней душевной заботы. Белье ему крахмалили до окаменелости («Помним,—сморкалась прачка,— вам уже крахмаль, крахмаль»).

В первую минуту все произошло так, как заранее представлял себе Додонов. Портье слетел с табурета и перегнулся через барьер конторки.

— Опять, опять, — пожал ему руку Додонов. — Гастроли через два дня, но я решил пораньше — отдохну...

— Очень приятно, — поблагодарил портье, — только,

извините, Валентин Аркадьевич, ваш номерок занят. Что-то небывалое. Вся гостиница переполнена командировочными. Всегда их много, а сейчас что-то невероятное. Придется вам временно поселиться в тридцать шестом.

Тридцать шестой номер оказался неприятным, темным и узким, как коридор. Мало-помалу артист успокоился. Зашедший проведать его портье сообщил, что сорок восьмой освободится через три дня. «Что ж, можно и перетерпеть это время», — благодушно решил Додонов и от нечего делать принялся читать еще в поезде купленные журналы.

Спустя несколько минут успокоившийся было актер расшвырял журналы и со стоном закрыл свои уши ладонями.

Номер находился на площадке лестницы, и у самой двери висел общий телефон.

Два дня прожил Додонов под оглушительные вопли «Станция, станция, вы оглохли, станция!» Не видя этих кричащих людей, он уже огличал их по голосам и к концу второго дня убедился, что и в этом звенящем телефонном хаосе, как ни странно, существует строгий распорядок. С девяти и до одиннадцати утра командировочные вызывали машины.

— Почему до сих пор нет? — надрывались они. — Я уже три раза выходил.

— Где ваш катафалк? — издевался другой. — Я уже два часа жду.

С одиннадцати до трех люди в бекешах и с портфелями вызывали банк и искали друг друга.

— Банк? Почему не банк? Я же просил банк.

— Союзплодоовощ? Почему не Союзплодоовощ? А что это такое? Трест дубильных экстрактов! Ну все равно: нет ли у вас случайно Черепицына, командированного из Хорола?

В промежутке от трех до шести бекеша приглашали кого-то на обед, а с шести до восьми наступал мертвый час. С восьми у двери звучали совершенно неузнаваемые сладчайшие голоса.

— Софа? Здравствуйте, Софочка! Это я. Кто я? Угадайте, Софочка. Стыдно, Софочка! А как ваша сумочка? Помните вашу сумочку? Ну вот и угадали. Сан Саныч. Он, он самый. Да, опять в командировку. Нет, не «Восток». Теперь я стою в «Центральной». Шестьдесят девятый. Серьезно? Не обманете? Третий этаж налево, в конце коридора! Смотрите, Софочка. А сумочка ваша, хе-хе...

С двенадцати ночи за дверьми слышались лишь угрюмые равномерные шаги. Так мрачные океанские капитаны шагают ночью по палубе, с минуты на минуту ожидая шторма. Время от времени раздавались пронзительные звонки, и сразу несколько человек бросалось к аппарату.

— Москва? Кого вам, Москва?

Додонов засыпал в третьем часу, пока его не будил страшным ревом поклонник Софы:

— Где ваш саркофаг? Я бы давно мог уехать на такси, черт побери ваш гараж!

С трепетным чувством ложился Додонов спать в последнюю ночь перед переселением в свой номер. Он уже прощал людей в бекешах и сквозь дрему с грустью думал о будущем театре. Печальным и серым представлялось оно артисту. Необычайный, действительно сказочный расцвет культуры, но где они, эти возвышенные души, где подлинные глубокие чувства? Откуда придут трагики и лирики, от монологов которых стали бы рыдать в зрительном зале? Десятки незнакомых невидимых людей прошли за эти дни за дверьми его номера, и все это такие однотипные, какие-то стандартные личности: «машина», «банк», «накладные», «грузы»... Где чувства, чувства?..

Неожиданно расплывчатые размышления артиста перебил глухой и тревожный голос. Незнакомый командировочный за дверьми жутким, еле слышным шопотом спрашивал:

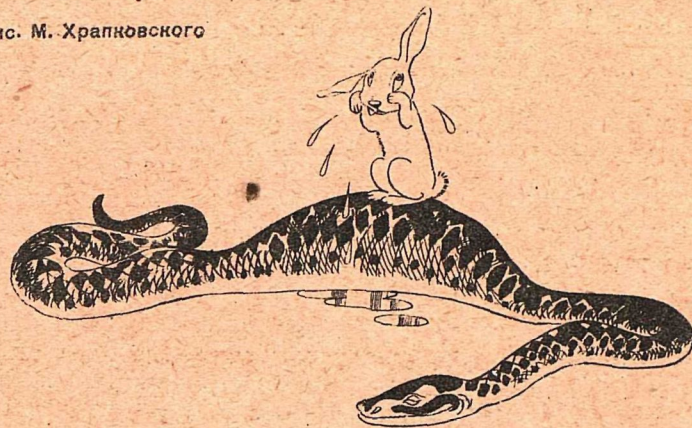
— Это квартира Паласина? Попросите немедленно Иосифа Марковича. Поднимите его, скажите, что нужен по неслыханному делу.

Пауза. Молчание, и снова тревожный шопот:

— Иосиф Маркович? Иосиф Маркович, прости, умоляю, прости, что я поднял тебя с постели, но я не мог поступить иначе. Иосиф Маркович, я сейчас седею. Иосиф Маркович, не удивляйся, если я тут же свалюсь от разрыва сердца! Иосиф Маркович, я уже больше не могу переносить этого кошмара! Слушай меня, Иосиф Маркович. Я говорю тихо, потому что недалеко в номере лежит Яша Чурилин. Он лежит, Иосиф Маркович, и если бы ты видел, как он лежит! Иосиф Маркович! Ты знаешь, я человек посторонний, но уже все официанты, номерантки — все население гостиницы не может видеть, как он лежит. Я боюсь, Иосиф Маркович, что он что-то задумал над собой. Ты знаешь, что я человек посторонний, но я не изверг, я не могу молчать, если на моих глазах человек переживает муки, перед которыми муки ада — фокстрот. Иосиф Маркович, ему нужно два вагона (чего — Додонов не расслышал), из Москвы ему идет пятьдесят вагонов. Но если завтра утром он не получит эти два вагона, у него срывается месячный выпуск. Иосиф Маркович, не перебивай, Иосиф Мар... Иос... ты прав, два вагона — пустяк, и я знаю, ты из своих дат не можешь! Но нужно знать Яшу! Другой бы на его месте поволновался, поволновался и плюнул: ты прав, можно всегда нагнать... Но нужно знать Яшу! Это какой-то безумец. Он лежит в номере, грызет подушки, и я по глазам вижу, что он задумал потрясающую жуть. А? Что?.. Иосиф Маркович!.. Иос... Иос... Нет, я не дам тебе говорить! Ты знаешь, я человек посторонний. Казалось бы, чего мне страдать из-за него! Но нужно видеть! Может быть, в эту минуту... Что, нет, нет!.. Это не ты говоришь! Ты не можешь так говорить, Иосиф Маркович! Позови твою жену, она мать, у нее дети, она имеет сердце, она поймет, Иосиф Маркович, случится что-то ужасное, если я сейчас вернусь в номер и не скажу ему, что два вагона будут. Нет, нет, позови жену. Ведь он тоже был маленький, он бегал по двору, как твои дети. Один раз, честное слово, он наелся известки. А теперь

ИЗ БЛОКНОТА НАТУРАЛИСТА

Рис. М. Храпковского

На отцовской могиле.

это взрослый мужчина, директор, так никто его не жалеет. Теперь этот, извини за цитату из «Кавказского пленника», этот закаленный судьбой боец с седею головой лежит в номере и рыдает, как ребенок, у которого отняли изве...

— Иосиф Маркович, — уже закричал неизвестный за дверью, — Иосиф Маркович, я не преувеличиваю, нужно знать его характер... Нет, ты так не можешь поступить! Клянусь, ты дашь! Нет, нет, теперь уже ты не можешь отказать... Я залялся, Иосиф Маркович... Иос... Иос... Ну хорошо, хорошо, я буду хладнокровен. Суди сам: всюду стахановцы, всюду победы, а Яша... Я посторонний, я никто! Я не стахановец, я просто идеалист, который мучается за других... он без двух вагонов... Стой, стой... Ты можешь сейчас приехать. Хотя на секунду, если бы ты его видел! Какой ужас, что еще нет в номерах телевизоров, ты бы сейчас увидел и посидел, как я... Иос... Иосиф Мар... Если бы я просил два вагона телевизоров, которых у тебя нет, но два несчастных... Жену, дай мне жену, прошу тебя...

Додонов вне себя вскочил с постели, накинул пальто и вышел в коридор.

Незнакомец неистовствовал у телефона. Рядом с ним на стуле сидел низенький человек, беспечно болтал ногами и с удовлетворением кивал головой в такт его воплям.

— Скажи ему, — суфлировал маленький человек (это, несомненно, и был сам Яша), — скажи, что я могу еще, чего доброго, утопиться али под поезд... Может быть, он боится утопленников...

— Иосиф Маркович, — подхватил командировочный, — я боюсь вернуться в номер, может быть, постель пуста, и он убежал на набережную. Может быть, завтра меня позвонит опознавать тело... Могу я узнать Яшу, когда передо мной зеленый распухший... Что? Что?.. Иосиф Маркович, дорогой, я узнаю твою душу. Вот теперь это ты говоришь! Это ты... ты... ты... Целуй жену, она такой же дивный человек, как ты. Завтра в девять я приволоку его. Я его на руках отнесу, Иосиф Маркович, я сейчас пойду в номер, я его подниму, я ему скажу... Иосиф Маркович: карнавал в Венеции, бой цветов, серпантин — это похоронная процессия в осенний дождь в сравнении с тем, что будет сейчас в номере. До свидания, золотой. Береги деток...

Звякнул рычаг. Два друга, ликуя, удалились в коридор, и Яша на ходу предупреждал дежурную:

— Будите в восемь. Стучите, как на пожар.

Додонов вернулся в номер и счастливо улыбаясь заснул. И когда на следующий день испуганный портфельщик сообщил ему, что с переездом придется еще подождать до ночи, он благодушно сказал:

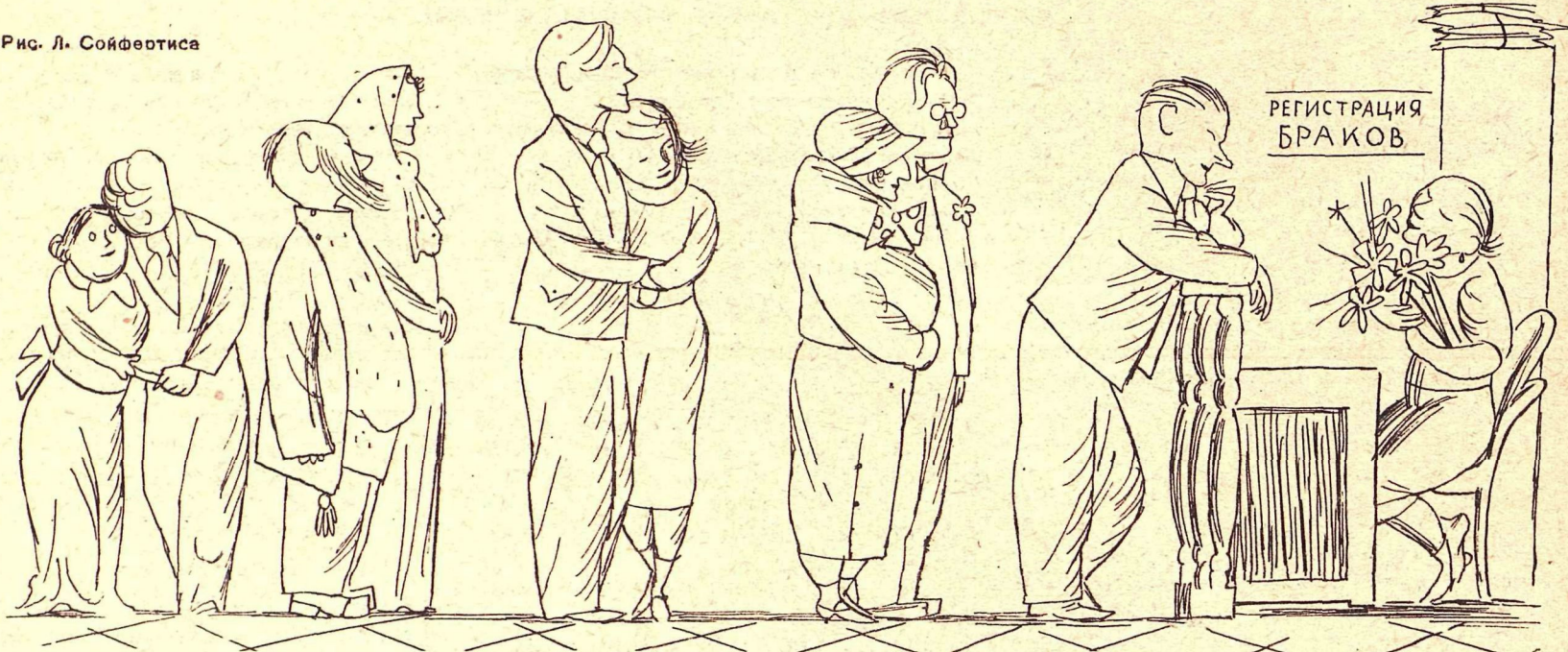
— Пустяки. Это очень приличный номер. Я чувствую себя превосходно.

МИХ. РОЗЕНФЕЛЬД

НЕБЫВАЛОЕ В ЗАГСЕ

Рис. Л. Сойфевтиса

— Не понимаю, с кем же расписывается этот гражданин?
— Как с кем? С самой регистраторшей.

ПАПАША У ФИНИША

А. Т. Челпанов, представительный мужчина, одетый в синюю поддевку того странного покроя, который некогда любили отставные интенданты и волжские пароходные шулера, держит себя в ожидании суда крайне беспокойно.

Положение у А. Т. Челпанова действительно незавидное. Судят его за злостное, четырехлетнее уклонение от уплаты алиментов К. П. Чайкиной, которая — вот — сидит слева от него. А справа от А. Т. Челпанова сидит его основная супруга с основным ребенком — белокурой девочкой лет восьми. Девочке скучно: ей хочется домой. Мать, искоса поглядывая на А. Т. Челпанова, успокаивает свое дитя пророческой фразой:

— Обожди, детка! Вот сейчас папу посадят, мы и пойдем домой.

Мелкий жемчужный пот покрывает солидную лысину папы, находящегося меж двух огней. Он нервно вскакивает и выходит в коридор. Но через минуту снова появляется в дверях и нежно мурлыкает:

— Клава! Клавдюша!

Клавдия Чайкина, маленькая бледная женщина, спешит на зов.

В коридоре происходит десятое по счету объяснение шопотом.

— Клава! Клавдюша! Поговорим как человек с человеком о человеке. Нехорошо судиться, Клава! Уйдем отсюда! Я тебя прошу, Клавдюша! Я прошу!

— Порядок, Лена.

Действительно поздно. Народный судья Павлов раскрывает синюю роковую папку.

— Челпанов здесь?

А. Т. Челпанов одергивает свою поддевку и довольно нахально выходит вперед.

Ответы он дает быстро, с усмешечкой и гонимой наглостью, стараясь сохранить «и в подлости оттенок благородства».

Образование? Ветеринарное. Высшее незаконченное. Зарплата? В общей сложности 700 рублей. Партийность? Вот уже полтора месяца как беспартийный.

— За что вас исключили из партии? — спрашивает судья.

— Крокодил!.. — неопределенно отвечает А. Т. Челпанов, пожимая плечами.

Судья Павлов уточняет ответ А. Т. Челпанова: он исключен из партии в связи с фельетоном «Папаша в бегах», опубликованным в Крокодиле, в № 19 за 1935 год, а попутно и за темные делишки на конном заводе, на котором трудился в меру сил.

Суд переходит к обстоятельствам дела.

— Сколько вы прожили с Чайкиной?

— Ах что вы, не помню. Месяца три. Да вы у нее спросите. Клава — чудный человек. Она вам все расскажет.

— Почему вы сошлись с Чайкиной?

— Это наше с ней интимное таинство.

— Хорошо, — говорит судья Павлов! — Потерпевшая Чайкина, вы хорошо знаете Челпанова?

— Как же мне его не знать, — со следами на глазах отвечает Клавдия Чайкина, — когда он мне приходится родным дядей.

А. Т. Челпанов, ничуть не смущаясь, гордо оглядывает сидящих в зале людей, подолгу останавливаясь глазами на женских лицах.

— В качестве кого вы увезли Чайкину в Харьков в 1930 году?

— В качестве собственной подруги жизни, не больше.

— Сколько за четыре года вы дали на воспитание своего ребенка?

— Право не помню. Но я посылал.

— По какому адресу?

— Право не помню. Да вы спросите Клаву, она чудный человек, она вам все расскажет.

— Потерпевшая Чайкина, сколько за четыре года вы получили от Челпанова денег на воспитание ребенка?

— Один раз на вокзале дал тридцать рублей, — отвечает Чайкина, и снова слезы текут по ее щекам. — Он, гражданин судья, алиментные листы прямо рвал и выбрасывал.

— Подсудимый Челпанов, сейчас вы женаты?

— Пока женат.

— Почему же все-таки вы не платили алиментов Чайкиной, зная, что ее заработок — 130 рублей в месяц?

— Последний год не платил потому, что не хотел, чтобы она узнала мой адрес.

— Гм!.. Почему же вы этого не хотели?

— Потому что я хотел.. устроить ей лучшую жизнь.

— И для этого скрыли свое местожительство? Так. А думали ли вы о своем ребенке?

— Как же, как же. Неоднократно размышлял. Но я регулярно получал информации из Москвы, что мой ангел живет прекрасно.

Вопрос за вопросом, и неприглядная личность А. Т. Челпанова раскрывается перед судом во всем своем нестерпимо-пошлом блеске и аромате.

Суд уходит на совещание и через час выносит приговор.

— Челпанов, А. Т., 37 лет, беспартийный... Изловленный журналом Крокодил и прокуратурой Союза, признан виновным... Приговаривается к шести месяцам тюремного заключения... Суд постановляет взыскать с Челпанова в пользу Чайкиной алименты за все четыре года, по сорока рублей в месяц... Подсудимого взять под стражу немедленно.

Пожилая судейская сторожиха с бляхой на кофте не очень деликатно отводит сразу полинявшего А. Т. Челпанова за некрасивую деревянную перегородку. Отсюда он поедет прямо в исправдом.

Публика расходится. А. Т. Челпанов тихо шуршит из-за своего деревянного заборчика.

— Позовите Клаву! Клавдюшу!

А сторожиха с бляхой говорит ему с хорошим, деревенским презрением в голосе:

— Ну ты, гусак! Сиди спокойно.

Все кончено. Беговой папаша пришел к финишу.

ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

(ТРАГИКОМЕДИЯ ПОКА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ)

Действие 1-е

На сцене канцелярия совхоза «Красный партизан», что при станции Зверово, Югосточной железной дороги. За столом сидит бухгалтер Белов. Стоит директор совхоза Белов. На машинке печатает машинистка Белова. У печки курит шофер Белов.

Бухгалтер Белов (директору Белову). Папаша, когда вы, наконец, сдадите отчет по последнему авансу? Все-таки вы мне подотчетное лицо.

Директор Белов (возмущенно). Сказано тебе: не приставай! Ну и характер у сыночка — весь в мать: и пилит, и пилит! За ужином уже составлю отчет. Ты поможешь своему, так сказать, единоутробному подотчетному лицу. А будешь гудеть — живо полетишь! Я тебя породил — я тебя и с должности свиму.

Бухгалтер Белов. Что за комиссия, создатель, быть у собственного отца бухгалтером!

Машинистка Белова (вставая). Папа, я вашу работу уже перепечатала.

Директор Белов (небрежно целуя машинистку Белову в прическу). Спасибо, милая, спасибо; невестушка. Входит секретарь комитета ВЛКСМ Ефим Бабенцов.

Директор Белов. А-а, зятек, здравствуй! Ну, как у вас там, в комсомоле?

Ефим Бабенцов (бодро). Шумим, товарищ тесть, шумим!

Директор Белов. Ну шумите, шумите! (Обращаясь к шоферу Белову.) Давай машину! Только, если будешь ехать как вчера, я тебя дома высеку.

Шофер Белов. Не беспокойтесь, папаша. Ублаговорю.

ЗАНАВЕС

Действие 2-е

На сцене начальник политотдела Гончаров и завхоз Гончаров.

Начполитотдела Гончаров (завхозу). Я должен тебя проработать. У тебя до сих пор не отремонтированы свинарники. Говорю это тебе как старший брат.

Завхоз Гончаров. В этом виноват не я, а Гречкин — управляющий молочной фермой. Скажи ему.

Начполитотдела Гончаров. Мне неудобно делать ему замечание. Все-таки он старый хороший знакомый нашей семьи. Я его сюда пригласил в гости... то есть на службу.

Завхоз Гончаров. Мне тоже неудобно. Скажи ты, ты старше меня...

Начполитотдела Гончаров. А ты младше. Ты должен меня уважать и слушаться. Хотя бы как начальника.

Завхоз Гончаров. А ты должен меня беречь как младшего брата.

Начполитотдела Гончаров. Ну ладно. Оставим это. По-моему, виноват не Гречкин, а плотник Лузик.

Завхоз Гончаров. Да, плотник Лузик виноват. Надо его взгреть. А вот, кстати, и директор.

Входит директор совхоза Белов.

Начполитотдела Гончаров. Товарищ Белов, надо как следует взгреть плотника Лузика.

Директор Белов (нервно). Только не Лузика.

Начполитотдела Гончаров (понимающе подмигивая). А разве Лузик... тоже... вам приходится?..

Директор Белов. Как же, как же! При мне служашие чужие очень редки, все больше сестрины, свояченицы детки. Лузик — мой шуринок по первой жене.

ЗАНАВЕС

К сведению режиссеров и прокуроров, которые заинтересуются нашей трагикомедией, сообщаем, что ставить ее нужно в уголовно-реалистическом плане, ибо дела в совхозе плачевные: план на зябь не выполнен даже на 75 процентов, зерно не убрано, свинарники не подготовлены к зимовке, зарплата рабочим не уплачена за два месяца и т. д. При трактовке образа директора Белова нужно иметь в виду, что это тип вульгарного шкурника, у которого на первом плане его семейные и личные интересы.

В остальном наша трагикомедия абсолютно понятна.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ОБРАЗОВАННАЯ МАТЬ

Рис. Л. Сойфертиса

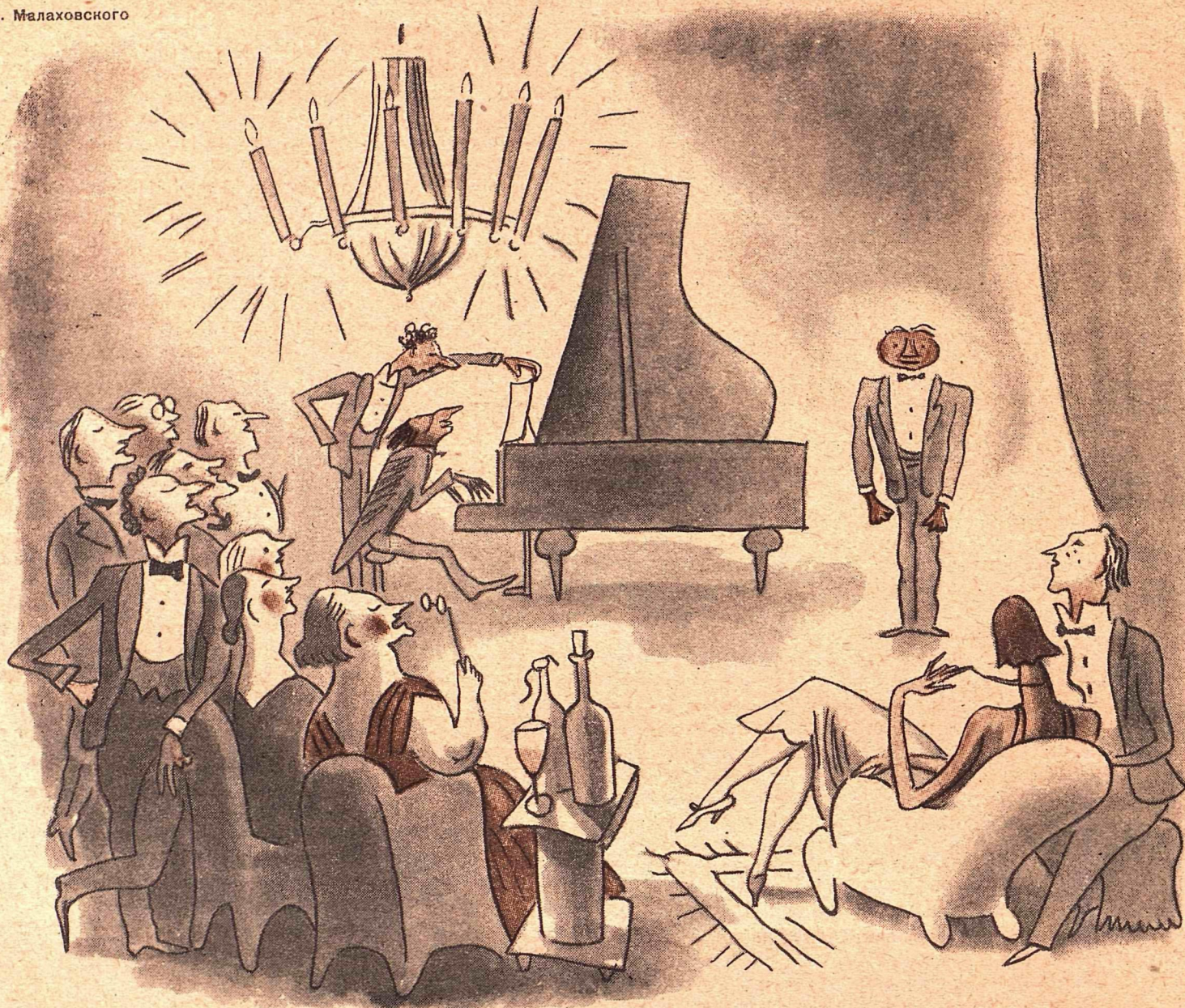

—Вот, детка, на этой картине мы видим отражение мелкобуржуазной стихии.

—Но ведь это просто море.

—Ну и что ж, раз море не волнуется — значит, оно в состоянии нейтралитета и пассивности.

Рис. Б. Малаховского

— Почему это певец Шульц так волнуется? Голос не в порядке?
— Просто отвык от пубрики в нашем театре.

«НЕТ БОЛЬШЕ ЛЫСЫХ!»

Говорили о том, как широко шагает теперь наука и как мудро быть осторожным критиком.

— Чересчур разрослись границы возможного! — сказал один из присутствовавших журналистов. — У меня, например, был такой случай.

Все прислушались.

— У каждого из нас, — продолжал он, — бывают моменты, когда как-то особенно нужны деньги. В одну из таких минут я сел за стол и сочинил следующую заметку:

«Нет больше лысых!»

«Такими словами начинает свою статью Аттерсон в последнем выпуске «Медицинского еженедельника» («Медисин уикли» XXXVII. 12. 1367. Бостон); статья представляет собой сводку его доклада («Культивация волос») на последнем съезде.

Сущность открытия заключается в том, что весь вопрос об уходе за человеческой шевелюрой переводится из плоскости «ухода» («импрувмент») в плоскость «посадки» («плантэйшн»).

Аппарат доктора Аттерсона состоит из сосуда емкостью в 2½ литра, с крышкой. Последняя снабжена тремя электрическими контактами, винтиком для зажима волос и двумя стержнями, не достигающими до дна сосуда.

В сосуд, наполненный 15-процентным раствором энигловой кислоты, опускают взятый с головы человека волос, наблюдая, чтобы луковица его была опущена не ниже чем на 1 сантиметр от уровня жидкости. Затем через раствор пропускают электрический ток — переменный, высокого напряжения.

Через сорок минут начинается разбухание луковицы, а затем (допустимо небольшое подогревание) от нее начинают отделяться частицы, числом редко превосходящие 117.

Эти частицы, так называемые «вторичные луковицы», постепенно достигают (но никогда не превосходят!) размеров первичной луковицы и в свою очередь продолжают дробление.

По достижении умеренного насыщения раствора последний так называемый «волосной посев» наносится на соответствующую подготовленную голову пациента. (Рекомендуется кожное накалывание.)

Через полчаса на голову натягивается особая ткань, регулирующая доступ воздуха, смоченная особым составом, который стимулирует более энергичное вращение волосных луковиц в поры. Ткань удаляется через трое суток.

Задачу, поставленную себе доктором Аттерсоном, искусственного посева волос на человеческой (а может быть, и

всякой другой!) голове, повидимому, можно считать решенной.

Цена прибора — 173 доллара; адрес главной редакции: Бостон, Арчдиокон стрит, 49».

— Недурно! — сознался я и отнес статью в редакцию журнала «Я знаю все».

— Чудесно! — сказал редактор. — Гонорар вам уплатят сейчас. Как жаль, что мы уже набрали очередной номер.

Через неделю у меня миновал денежный кризис, и моя совесть начала распухать, как налимя печонка.

— Здравствуйте! — сказал я, пожимая руку редактора. Я решил, что это — мое последнее пожатие руки этому человеку. — На прошлой неделе я вам принес заметку.

— «Нет больше лысых», — весело сказал он. — Как же, как же!

— Так вот, — неохотно продолжал я. — Я позабыл посвятить вас в небольшую мелочь. Эта заметка — вранье.

— Вранье? — нахмурился он.

— Да, вранье! Чистая выдумка.

— Это ваше личное мнение? — спросил он меня очень холодно.

— Да, — честно сознался я, — мое! И уверен, что оно будет сейчас и вашим. Но сперва примите от меня полученный мной гонорар, а мне верните заметку.

Я принялся отсчитывать деньги.

— Не торопитесь, — остановил он. — Прежде всего — этика! Раз у вас есть серьезные основания считать, что в «Науке и жизни» вам дадут больше, я не возражаю против доплаты.

— Не надо. Ни в «Науке и жизни», ни здесь не заплатят мне ни гроша, когда узнают, что в этой статье нет ни одного слова правды.

— Но откуда вы это взяли? — закричал, наконец, он. — Вы кто такой? Доктор?! Больше того — вы ученый?

— Больше того, — горько сознался я. — Я автор.

— Вы автор?!

Он засмеялся горловым смехом, поражаясь столько же моему хвастовству, сколь и невежеству.

— Вы автор!

Редактор нагнулся вбок и вытащил мою рукопись.

— Слушайте!.. «В сосуд, наполненный слабым раствором энигаловой кислоты...», — начал он. — Автор!.. Да известно ли вам хотя, из чего состоит эта самая энигаловая кислота? Формула?

— Нет, — сказал я. — Неизвестно! Никакой энигаловой кислоты нет. Это вздор. Вместо энигаловой можно написать: «перигаловая», «эгоциловая» — все это будет одинаковая чепуха.

— Почему именно чепуха? — поморщившись сказал он. — Зачем эти резкости? Почему эгоциловая, например, кислота — вздор? Эгоцил, если я только верно припоминаю...

— Нет эгоцила!

— Успокойтесь! — он взял меня за руку. — Ни вы не химик, ни я, и знать мы всего не можем. Допустим, что в этой «Медисин уикли», Бостон, действительно что-то наврано...

Никакой «Медисин уикли» нет! — перебил я. — Все это мое вранье, выдумка! Ни «уикли», ни Аттерсона, ни Бостона, ничего нет! Миф!!

— Прекрасно! Допустим, что Бостон — миф, — терпеливо сказал он. — Но рукопись здесь и принадлежит редакции. Важно не то, все ли в ней, от слова до слова, правда, а самый факт: факт этой, как он ее называет... «посадки», «плантэйшн»!

— Не он, а я ее называю, — упрямо поправил я. — Лично.

— Согласен... Что он здесь пишет? — редактор нагнулся к рукописи. — «Эти частицы, так называемые вторичные луковиды, достигают (но никогда не превосходят!)...» Вы не находите, что это характерно?

— Нет, — сказал я.

— И дальше!.. Как можно считать такую естественную вещь враньем?.. Луковица, подверженная действию тока, и при том переменного, опущенная в благоприятную для нее среду — энигаловую кислоту, — дает жизнь другим луковицам. Понятно! Потом приступают к посадке.

— Сажает вам на голове волосы как лук? Как картошку?

— Да, да! — вызывающе закричал он. — Как картошку! Как лук! Как овес! Чем, собственно, отличается ваш или мой

волос от всякого другого растения? — он стукнул рукой по моей рукописи. — Довольно! Пора прекратить это чванство! Давно! В этом-то и есть красота этого опыта. Да! Химия и ток! Ток и химия!!

Он застучал по рычажку телефона:

— Бухгалтер?.. Сейчас к вам зайдет автор «Нет больше лысых!», заплатите ему еще столько же. Да, по записке!

— Гонорар я возьму, — предостерегающе сказал я. — Но советую: подождите до апрельского номера. Как первоапрельский обман это сойдет.

Он меня не послушался.

Он только заменил город Бостон другим, которого нет на карте.

— Напрасно! — огорченно сказал пожилой джентльмен. Он слушал рассказ с блеском в глазах, который хорошо гармонировал с отражением ламп на его голом черепе. — Не мешайте каждому обращаться туда...

Его остановил насмешливый взгляд рассказчика.

— Это, конечно, вздор, — сказал другой джентльмен. — Но досадно, что подобная чепуха компрометирует иногда данные, действительно достоверные. Вы знакомы с работами Джемса Бечелора? Известный хирург.

Все прислушались.

— Он недавно проделал такой опыт.

Джентльмен поставил перед собой два стула.

— Он взял двух собак и ампутировал у них две конечности: у одной — переднюю правую, у другой — переднюю левую. И переставил.

— Ну? — скептически спросил журналист.

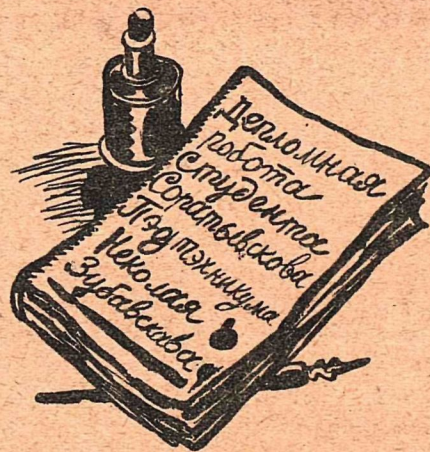
— Получилось то, что он и ожидал получить: животные потеряли способность двигаться по прямой линии. Собака, у которой стало две правых ноги, двигалась лишь по часовой стрелке, вправо. Собака, у которой...

— Какое практическое значение может иметь такой опыт? — разочарованно перебил лысый джентльмен.

— Громадный! Вы можете всегда спокойно выпускать вашу собаку: она опишет правильный круг и неизменно вернется к исходной точке.

— Джемс Бечелор? — доверчиво переспросил журналист. И достал записную книжку.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

У МОНАСТЫРСКОЙ СТЕНЫ

На скамье у стены древнего монастыря «святителя» Тихона Задонского, где сейчас помещается сыпной пункт Заготзерна, сидят два серебрябородых колхозника. Они привезли хлеб на пункт и, свернув козы ножки, мирно беседуют в ожидании очереди.

Придерживая шапки, они то и дело поглядывают на верхушку монастырской колокольни, где гулко раздаются удары топора и повизгивает пила.

— А ты, Василь Иванович, сиганешь сверху-то? — спрашивает один колхозник другого.

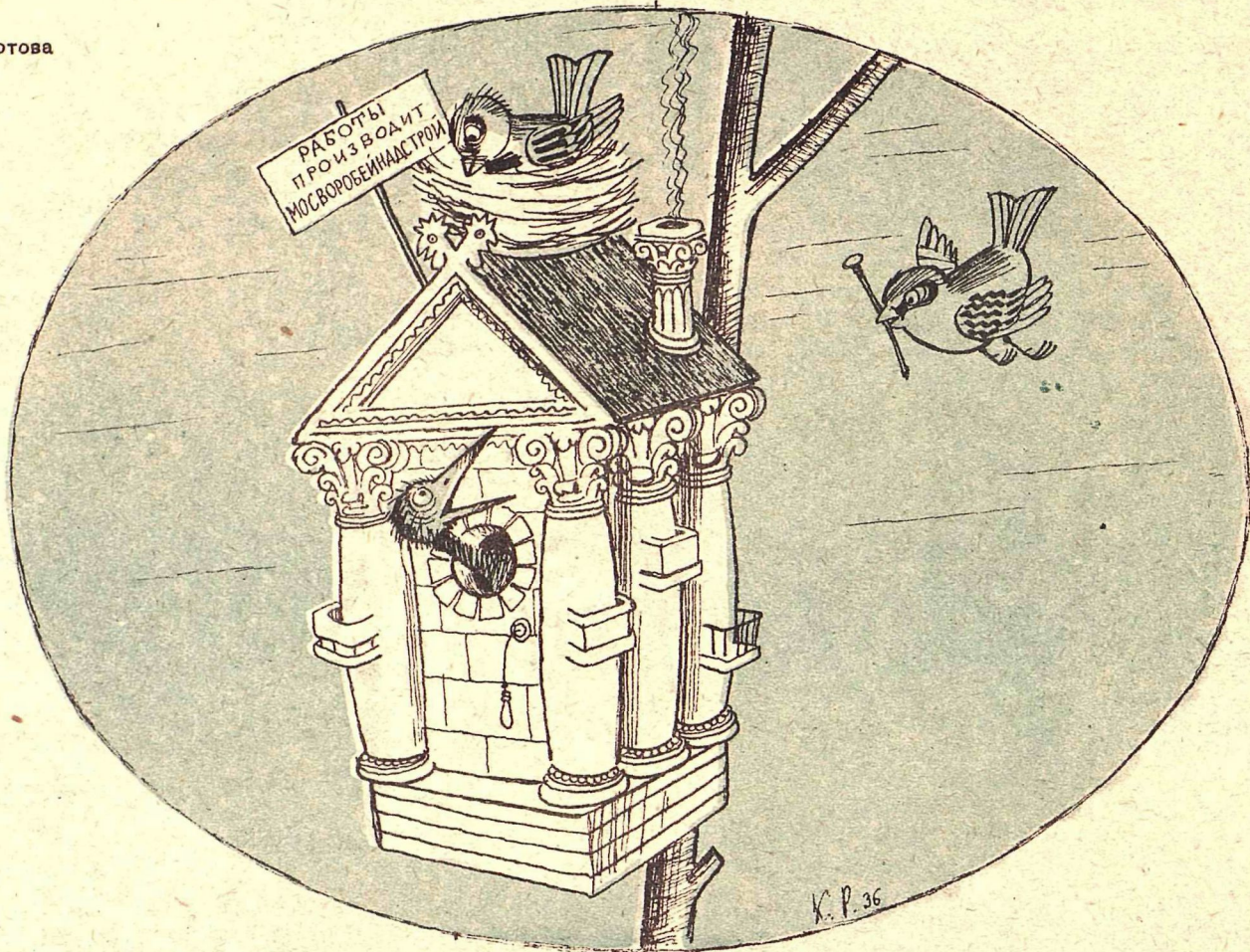
— Нет, годы мои не те. Мне нельзя: кость у меня хрупкая стала.

— А я, Василь Иванович, решусь, ей-ей, решусь! Ежели стариков пускать будут, беспременно прыгну. А то так, не летавши, и помрешь.

На колокольне «Тихона» строится первая в Задонском районе парашютная вышка.

И. АСАРОВ

Рис. К. Ротова

СКВОРЕЦ:—Опять вы надстройку не в том стиле делаете!..

Дорогой КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Туркменское управление связи получило от своего Наркомата срочный запрос о том, какие типы лыж нужны на зиму 1936 года местным письмоносам и можем ли мы достать лыжи на месте. Мы ответили, что в Туркменистане, при отсутствии снега, вряд ли может остро стоять вопрос о лыжах. Наркомат вторично запросил нас о том же. Что нам теперь делать для того, чтобы не нарушать дисциплины? Допустим, что лыжи мы еще кое-как сделаем на месте, но откуда нам выписать снег?

Н. АРКАДЬЕВ

Ашхабад.

МИЛЫЙ КРОКОДИЛ И ДОРОГОЙ НАРКОМПРОС!

Я учительница Михайловской школы, в Хайбулинском районе, БАССР.

Вот моя основная работа и моя постоянная общественная нагрузка:

1. Я завшколой.
2. Я занимаюсь с двумя классами (62 ученика).
3. Я председельместкома.

4. Я пионервожатая.
5. Я уполномоченная отделения Башгиза.
6. Я культармеец.
7. Я кассир при ячейке ОСО.
8. Я редактор колхозной газеты.

Может быть, кто-нибудь из вас двоих поможет мне или по крайней мере даст способ как удлинить 24-часовые сутки хотя бы на каких-нибудь 10—15 часов?

В ожидании ответа
учительница М. СЫТЕЖЕВА

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

На ст. Ялуторовск, Омской ж. д. кассир не только продает билеты, но также заведует камерой хранения.

Хочешь билет купить — жди, пока кассир справится со своими обязанностями по части хранения и выдачи багажа; хочешь сдать на хранение или получить багаж — дождись, пока кассир распродаст билеты отъезжающим пассажирам.

Сдашь вещи на хранение — опоздаешь купить билет, купишь билет — опоздаешь получить багаж из камеры хранения.

Как поступить с таким блуждающим работником? Не повесить ли над кассиром объявление:

Билеты продавать
не отходя от кассы

Г. МАМЫКИН.

г. Куйбышев.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Я Котов, Сергей Ефимович, 57 лет. Проживаю в Муровлянском районе, Московской области. А сын у меня — Петр Котов — не хочет платить причитающиеся с него его бывшей жене алименты. Чтобы далеко не ходить (сын уехал на учебу), местный нарсудья Механов и прокурор Чернов постановили требовать алименты с меня.

— Не уплатишь, возьмем у тебя корову и свинью.

Я — в сельсовет и к предколхозу: так и так. Сочувствуют, но ничего сделать не могут.

Я — в Москву: думаю, здесь разберутся. А помпрокурора Мирошкин сказал: «Тебе, дед, в жалобе отказано. Дело передано на рассмотрение района».

Корову и свинью у меня отобрали.

Что ж это выходит? Сын — грехи, а отец — отдувайся?

С. КОТОВ.

Муровлянский район,
Московской области.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

У нас в г. Иваново имеется «Областная справочно-информационная контора управления связи Ивановской промышленной области», которая до сих пор еще официально именуется:

ОСИК УСИПО

Дорогой Крокодил! Помоги!

С. ВАРЕЕВ

г. Иваново.

ДВА КРЕЩЕНИЯ

Рис. М. Храпковского

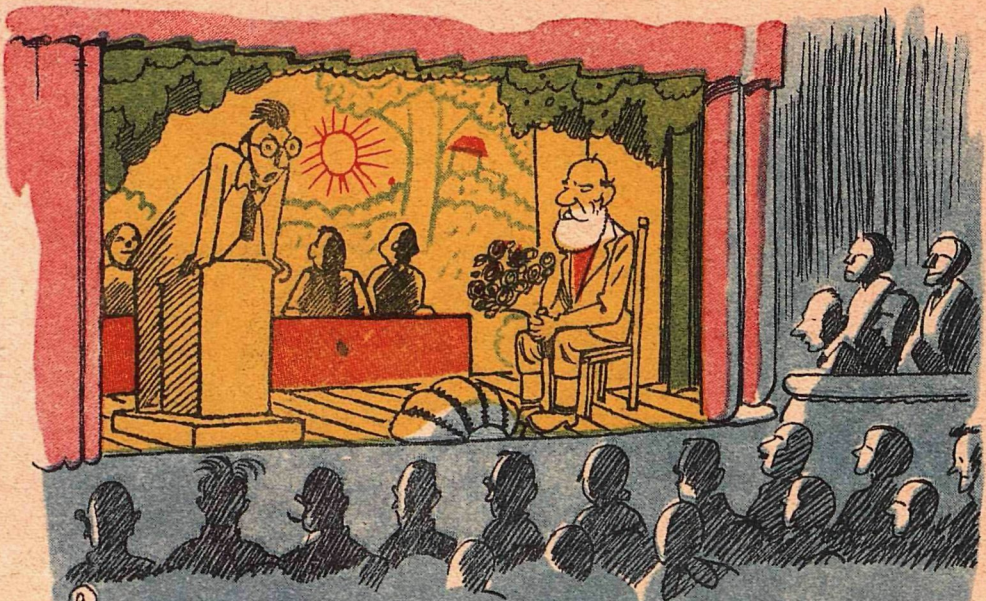
—Вот в этой церкви меня дважды крестили: в первый раз, когда был младенцем, а во второй—совсем недавно—я тут же получил воздушное крещение.

РАССКАЗ О ЗАЛАСКАННОМ СТАРИКЕ

Рис. Ю. Ганфа

1 — Мы должны целиком и полностью любить наших стариков, — сказал председатель Варешкин. — Ударим по ним вниманием и лаской. Вот есть у нас такой культурный пожилой старик Гудеев. Сорок лет работает на данном отрезке времени. Необходимо его чествовать во что бы то ни стало.
И деловым инвизим баритонем добавил:
— А если нет, то почему?

2 Через несколько дней стали чествовать старика Гудеева в клубе. Организовано окружили старика, как милого, вниманием и лаской. Подарили ему норвежские коньки, парфюмерный набор «Золотой ландыш», патефонную пластинку «Блюз-Киска» и продержали его до половины третьего утра, пока молодежь танцевала под постороннего баяниста.

3 Потом на рассвете пошли на старика фотографы. Шелкали вокруг старческого органа могучими затворами и даже покривляли на старичка насчет афиса и профинди, которые у него в конце жизни стали невыразительными.

4 Потом его качала специально мобилизованная клубная футбольная команда, вставшаяся за долгий зимний период.

5 Вскоре отцы и братья, вдовствующие в стариках довоенной выработки, и несмотря ни на что наш обласканный старик Гудеев допелся все же целым и невредимым домой, где и попытался прилечь на диван, но уже стоял около его окон взволнованный клубный оркестр и играл торжественную кантату с вариациями, барабанами и ритмическими выкриками незаметных музыкантов.

6 А на следующий день грустно и разочарованно сказал председатель завкома:
— Обманул наше доверие колеблющийся старик Гудеев. Так его чествовали, а он сегодня даже на работу не вышел! Вот и обружай ихнего брата, старика, глубоким вниманием!

ПОХОЖДЕНИЯ ГЕРКУЛЕСА

В новосибирский крайрепертком как-то пришел молодой человек с торсом раздобрешего Геркулеса и выразительным бычьим затылком.

— Сандаров, — робко представился он, — борец-одиночка. Желаю внедрять в массы физическую культуру, которая...

— Очень приятно! — ответил председатель крайреперткома Пановский. — Секретарь, выпишите товарищу бумажку. Они желают внедрять физкультуру. Очень, очень приятно. Весьма похвальное желание, молодой человек.

Секретарь тут же напечатал на машинке документ:

«Молодому борцу Госцирка С. М. Сандарову поручаются внедрение физической культуры на окраинах, демонстрация упражнений для комплекса «ГТО» второй ступени и произнесение перед исполнением своих номеров вступительного слова о значении физической культуры в СССР».

Не веря своему счастью, юный Геркулес сгреб чудесную бумажку, о которой воспаленно мечтал долгими зимними ночами, откланялся — и был таков. В городском совете физической культуры на этой справке ему любезно приложили печать.

Двенадцать районов об'ехал С. М. Сандаров с этой бумажкой, двенадцать огромных сибирских районов, внедряя в массы физическую культуру по нижеследующей, своей, сандаровской, программе-афише:

«Молодой борец-физкультурник Сандаров будет производить: сгибание железа зубами, вышибание из зубов двухпудовой гири двумя двадцатифунтовыми молотками местными молотобойцами, ломание оглобли о шею, разбивание на груди кирпичей, ломание вершковой доски головой и разбивание кирпичей о собственную голову».

Только в тринадцатом, Каменском районе, местный райлит догадался отобрать у жуликоватого Геркулеса его спасительный новосибирский документ. В двенадцати же районах люди, загипнотизированные бумажкой, сдуру подписанной бывшим председателем краевого реперткома Пановским, спокойно разрешали молодому борцу внедрять в массы «ломание оглобли о шею, разбивание кирпичей о собственную голову» и другие физкультурные упражнения, входящие в комплекс его, Сандарова, утренней зарядки.

Жаль, что в программе Сандарова не значилось такое упражнение, как тесание березового кола на собственной голове. Может быть, это незамысловатое развлечение, внедренное в широкие массы сибирских райлитовцев, научило бы последних бдительности и повысило бы заодно и их культурный уровень.

НЕУНЫВАЮЩИЙ МАРЬЯНОВ

Что такое соавтор киносценария? Сведущие люди, знатоки киноправов утверждают, что соавтор — это проворный молодой человек, как правило, организационно-коммерческого склада мысли. Его дело — не писать, а устраивать и оформлять. В доказательство сведущие люди обычно ссылаются на некоего Г. Марьянова — соавтора писателя К. Паустовского.

Ни сценариев, ни повестей, ни романов, ни даже радиоораторий за Г. Марьяновым до встречи с хорошим писателем К. Паустовским не числилось. Встретились — и вдруг в рядовом служащем Мосфильма заклокотал убежденный соавтор. Уже в августе 1935 года (номер от 11 августа) газета «Кино» давала оценку этому клекотанию, довольно подробно описывая мошенническую проделку Марьянова со сценарием «Колхида».

Свой сценарий К. Паустовский и Г. Марьянов еще в декабре, на корню, продали Госкинопрому Грузии, получив установленный аванс. Это не помешало им в апреле еще разок продать проданный сценарий Мосфильму, причем дирекция последнего передала «Колхиду» для работы в ту студию, директором которой состоял тот же Марьянов. Но тут спохватился одуроченный Марьяновым Госкинопром Грузии и предъявил на «Колхиду» свои законные права.

С большим трудом из ловких, но нечистых рук соавтора удалось из'ять злополучный сценарий. Мосфильм понес большие убытки. Как сообщила тогда же газета «Кино», дирекция ГУКФ объявила Марьянову строгий выговор с предупреждением и предложила Мосфильму снять его с занимаемой должности с понижением.

Не будем удивляться тому, что типичное мошенничество нарастает в киносреде выговорами. Сбережем наше удивление для другого. Вскоре после опубликования в печати приказа ГУКФ, Мосфильм назначил Марьянова заведующим сценарным отделом и главным редактором на свою московскую фабрику. Пойманного с полицным соавтора добродушно пустили пастись в сценарный огород. Это называется понизили в должности!

И ТО ХЛЕБ

Рис. А. Топкива

— Хорошо бы у нас звуковое кино завели.
— Ишь, чего захотела!.. Хоть бы нам звуковое радио устроили.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ЛАГНИ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-05-48; Д 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журн. — 1 р. 20 к. в мес. Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва, Изд. № 94.

Сдача текста и рисунков 17/1-36 г.

Подп. к печ. 25/1-36 г.

Статформат 72×108. 1/6 печ. л.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б—17100.

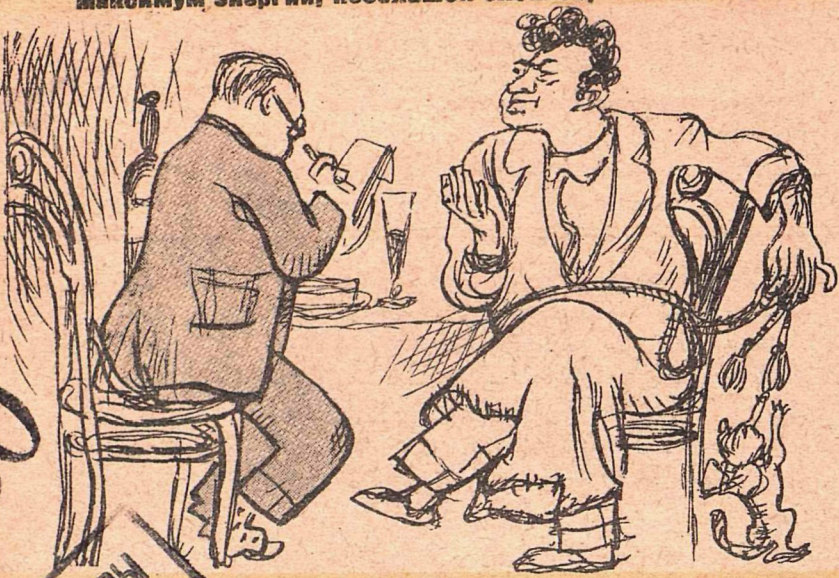
Типография газ. „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 113

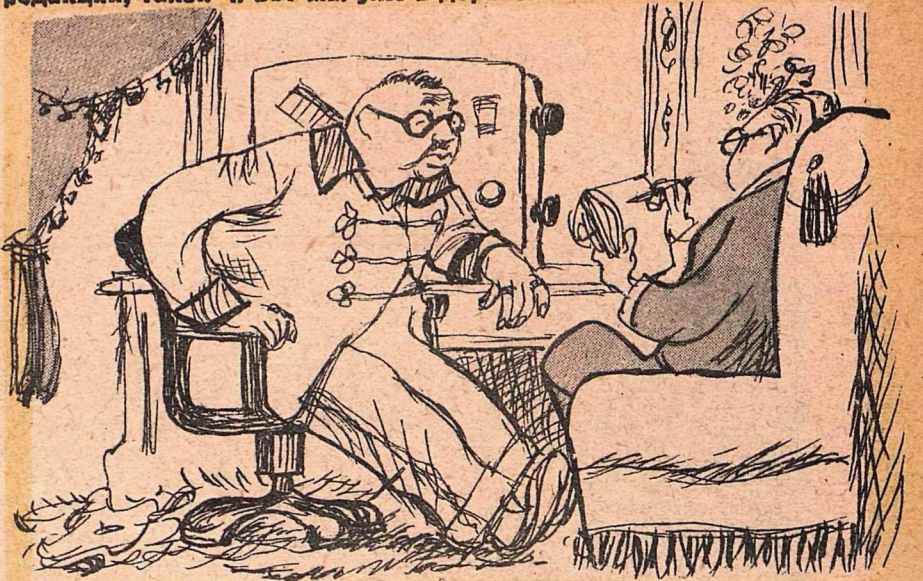
Тираж 860 000

Рис. М. Черемных

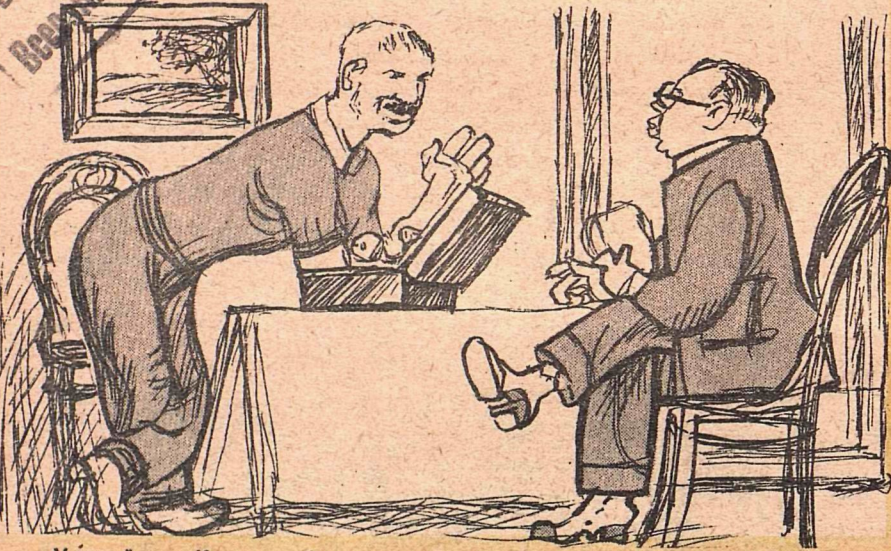
Нам пришла в голову конкретная идея — проинтервьюировать несколько человек, представителей разных профессий и различных социальных категорий, как они живут. Махимунг энергии, небольшой блокнот, легкое напутствие в редакции, такой — и вот мы уже в дороге.

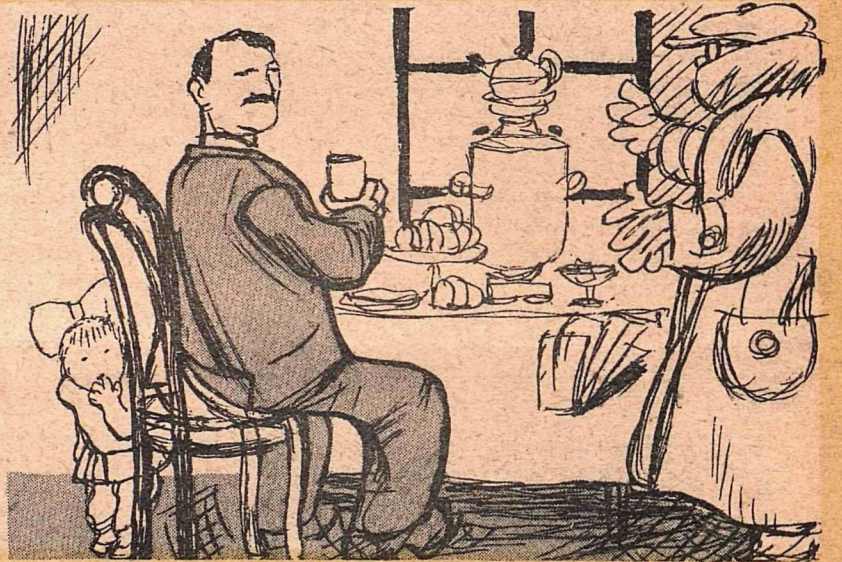
Писателя Дианова мы застали в тот момент, когда мастер пера только что отгушал яблочка, пригубил стакан карданахи и мечтательно думал: не отратить ли ему бароду к предстоящему юбилею?
— Как живете? — в роб поставили мы вопрос.
— Неудачно, — лаконично ответил он, но тут же, в порыве легкой социальной грусти, добавил: — Но ведь лично я не типичен; я писатель. Все-таки романы в переплетах, пьесы, режарнами. И даже такая игра судьбы: чем больше напишешь, тем больше заработаешь. Но как другие? Как живут те, неизвестные мне люди, которые?..
— Ценная мысль, — согласились мы. — Надо проверить. От вас еду сейчас к Кобобкину.
— Куплетист?
— Нет, инженер.
— Не знаю. Не слышал.
И проводив нас ласковым взглядом, писатель Дианов сунул в рот шоколадный батон.

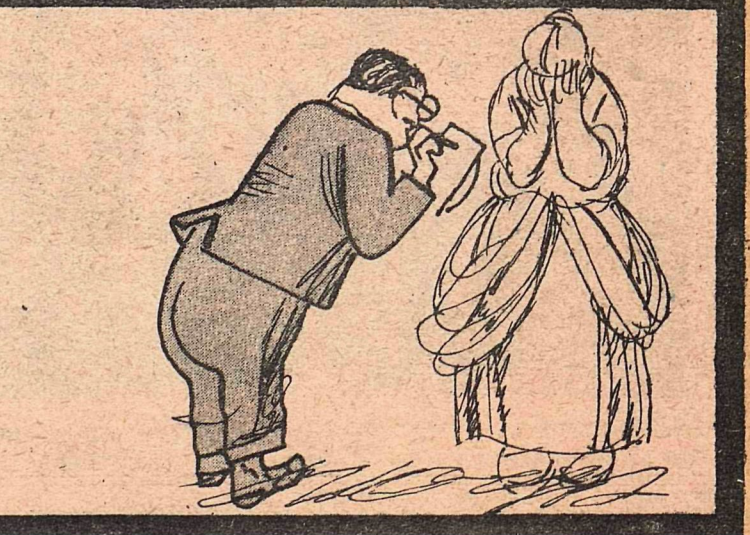
К инженеру Коробкину мы попали к ночи. Он сидел в шелковой пижаме и мучился около семилампового радио. На столе, точно сочувствуя его мукам, стояла жирная кулебяка.
— Как живете? — задали мы тем же тоном тот же вопрос.
— Есть, конечно, неприятности, — вдумчиво ответил он. Вот сейчас Анкару поймать не могу, утром у автомобиля шина лопнула, серую материю в синюю крапинку достать не могу, а вообще, неплохо. Только, — Коробкин скромно вздохнул, — я ведь инженер; я не типичен. Сами понимаете: большая зарплата, премиальные. А вот как живут другие? Как живут те, неизвестные мне люди, которые?..
— Очень тонкая мысль, — сразу согласились мы. — Необходимо проверить, как живут те самые, которые... От вас мы прямо к Крапееву.
— Актер?
— Литейщик.
— Не слышал. Ай, вот она, Анкара! — и инженер Коробкин уцепился за кнопки приемника.

У литейщика Крапеева был выходной день. Он сидел дома и чинил патефон.
— Устаю очень, — ответил он на наш вопрос. — На работе, конечно, ничего, привык. А вот в выходной день изматываюсь. Квартира, понимаете, новая: здесь дверь отвалится, здесь форточка выпадет, здесь из водопроводной трубы пар идет... А придут дочь из школы и сын из вуза — ворчать будут... А так, вообще, живу хорошо. Впрочем, — литейщик Крапеев конфузливо улыбнулся, — нам что, мы стахановцы. Заработки — сами понимаете. А вот как живут другие те, которые?..
— Правильная мысль, — поддакнули мы, — обязательно надо посмотреть. От вас мы к Сипачеву.
— Профессору?
— Нет. К колхознику.
— Не знаю. Кланяйтесь ему.

Когда с избитыми боками мы вылезли из саней и вошли в избу к колхознику Сипачеву, он встретил нас довольно сухо.
— Привезли? — спросил он.
— Чего?
— Пианину.
— Мы, собственно, насчет жизни, — робко сказали мы.
— Жизнь нам со стороны не требуется, — сердито сказал Сипачев, — жизнь у нас хорошая. А вот пианину для клуба выписали — не посылают. Вместо него два турецких барабана прислали... А насчет жизни это, конечно... Мы-то хорошо живем. Сами понимаете: в бригадирах мы, трудодни у нас — во!.. А вот как другие живут, те самые, которые?..
— Хорошо, — наклонили мы нашу голову. — Обязательно расследуем.

И только в последнем месте — у того самого среднего обывателя, скромного служащего Сыркина, — мы натолкнулись на ужасы и горе.
— Где хозяин? — спросили мы у домработницы.
— Голодает, — жутким голосом ответила она.
Мы вошли в скромно меблированную комнату. Худой, обросший щетиной человек сидел за столом и мрачно смотрел в одну точку.
— Как жизнь? — гробовым тоном спросили мы.
— Третий день голодаю, — еще гробовее ответил хозяин комнаты.
На ципочках мы робко вышли из комнаты.
— Неужели третий день? — переспросили мы у домработницы.
— Третий, — всхлинула она. — И еще два дня на диете сидеть будет. Обожрался на ведомственном банкете.
Наши интервью закончились.